

Л. Г. Печатнова

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КЛЕОМЕНА И ДЕМАРАТА (К вопросу о соотношении властных структур в Спарте)

Спартанское государство тщательно следило за своими царями, подавляя в зародыше их тенденцию к самостоятельности, о чем свидетельствует судьба многих спартанских царей, большинству из которых не довелось спокойно умереть в собственной постели. Чаще всего предметом для судебного разбирательства было поведение царя в действующей армии. Любая неудачная военная кампания вызывала у эфоров сильнейшие подозрения в отношении главнокомандующего. Судя по судьбе отдельных царей из обеих династий, наибольшее давление со стороны эфоров цари испытывали в V в. до н.э., когда влияние эфората на все стороны спартанской жизни достигло своего максимума. Именно в этот период многие цари под тем или иным предлогом были лишены власти, причем некоторые из них подвергались суду несколько раз, как, например, царь Клеомен (согласно мнению эфоров, его деятельность стала угрозой для государства. По дошедшему до нас преданию, он, вероятно, был первым царем, привлеченным в Спарте к суду)¹. История жизни и смерти спартанского царя Клеомена² является одним из интереснейших сюжетов всей истории Спарты. Как у древних авторов, так и у современных исследователей³ отношение к лич-

¹ В спартанской судебной практике, как правило, применялось несколько вариантов для процедуры смещения царей, на что обратил внимание в частности С.Я. Лурье. По его словам, в Спарте «было выработано несколько определенных шаблонов для устранения царей, вредных для существующего общественного порядка» (История античной общественной мысли. М.–Л., 1929. С. 179). Инициаторами всех известных случаев отрешения царей от власти, с помощью религиозных или судебных средств, обычно выступали эфоры.

² Большая часть событий, связанных с деятельностью Клеомена, не может быть вполне надежно датирована. Так, неизвестна точная дата начала царствования Клеомена I из династии Агиадов. Ее обычно помещают между 525 и 517 гг. до н.э. Правил Клеомен до 490 г. до н.э. (*Herod.* V. 39; *Paus.* III. 3. 10). Приблизительно в те же самые годы был царем в Спарте и его соправитель из династии Эврипонтидов – Демарат (годы правления – ок. 515–491). См. приведенный Э. Бикерманом список спартанских царей с указанием времени их правления: *Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 194.*

³ В современной историографии Клеомену не уделено должного внимания. Из иностранных исследований следует назвать работу Т. Леншай (*Lenschau Th. König Kleomenes I von Sparta // Klio. 1938. 31. S. 412–429*), являющуюся переработанным и расширенным вариантом его более ранней статьи в Реальной энциклопедии. В отечественной науке самой значительной работой о Клеомене (как по полноте реконструируемых событий, так и по наличию исторического контекста) является очерк И.Е. Сурикова в его только что вышедшем цикле биографий выдающихся политических деятелей Греции (глава IV. Клеомен I: «Рождение личности в Спарте» // *Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архайка и ранняя классика. М., 2005. С. 211–268*). Здесь же см. ссылки на статьи, в которых рассматриваются отдельные аспекты деятельности Клеомена I (с. 237 сл. и прим. 62–65).

ности Клеомена и его деятельности было весьма неоднозначным. Эта противоречивая оценка берет свое начало от Геродота. Поскольку Геродот является фактически нашим единственным источником сведений о Клеомене, нельзя не затронуть вопроса о том, насколько достоверен этот источник.

Современная наука, начиная с известной работы Ф. Якоби⁴, как правило, высоко оценивает «Историю» Геродота как исторический источник⁵. Ф. Якоби, а вслед за ним и другие исследователи, обратили внимание на то, что Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению и не переделывает того, что услышал. Степень надежности его труда целиком и полностью зависит от источников его информации. Он сам намеренно никогда не искажал полученных сведений и, если в его распоряжении оказывалось несколько вариантов предания, по-разному трактующих тот или иной факт, добросовестно их перечислял. В результате мы нередко получаем противоречивую информацию о людях и событиях, поскольку Геродот передает традицию, взятую из разных, часто враждебных друг другу источников. «Отец истории», как правило, не подвергал полученные варианты предания критической оценке и не старался согласовать их между собой⁶.

Как не раз было уже отмечено, Геродот при написании своего труда в основном опирался на устную традицию⁷. Он был настолько надежен, насколько надежными были его информаторы. Анализ имеющихся сведений о круге общения Геродота показывает, что его осведомителями в большинстве своем были люди высокопоставленные, пользующиеся большим авторитетом в своих государствах⁸. Эти его конфидененты, с одной стороны, обладали ценными сведениями, с другой – преподносили эти сведения, уже подвергнув их абберации, нередко продиктованной кланово-партийными или личными интересами⁹. Так, например, у Геродота наряду с благоприятной для Фемистокла традицией отчетливо видны следы радикальной переделки предания в крайне враждебном для этого великого афинянина духе¹⁰.

⁴ *Jacoby F. Herodotos // RE. Suppl. Ht 2. Stuttgart, 1913. Sp. 205–520.*

⁵ Однако следует указать и на современное гиперкритическое направление, отрицающее историческую ценность труда Геродота. Среди адептов этого направления наибольшую известность получил Д. Фелинг (*Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot. B.–N.Y., 1971*).

⁶ *Jacoby F. Herodotos. Sp. 472 f.; Лурье С.Я. Геродот. М.–Л., 1947. С. 147–150; Соболевский С.И. Геродот // История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского. Т. II. М., 1955. С. 64; Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 100.*

⁷ О преобладании у Геродота устных источников над письменными см. *Доватур А. Повествовательный и научный стиль Геродота. С. 187; Родс П.Дж. В защиту греческих историков // Античность и средневековье Европы. Межвуз. сб. / Под ред. И.Л. Маяк. Пермь, 1994. С. 22.*

⁸ О конкретных информаторах Геродота см. *Лурье. Геродот. С. 119; Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. Л., 1972. С. 482. Прим. 52.*

⁹ О зависимости Геродота от его информаторов см. *Строгецкий В.М. Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 145–155; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднearchаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 52. Прим. 68, 99; Ostwald M. Herodotus and Athens // ICS. 1991. Vol. 16. № 1/2. P. 111–124.*

¹⁰ *Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. С. 192; Podlecki A.J. The Life of Themistocles: A Critical Survey of the Literary and Archaeological Evidence. Montreal, 1975.*

Точно такая же метаморфоза, скорее всего, произошла и с преданием о царе Клеомене. Как и в случае с Фемистоклом, у Геродота можно найти полярные высказывания в отношении Клеомена. Причина столь противоречивой оценки лежит в изначально неоднозначном отношении к Клеомену его современников и ближайших потомков как внутри, так и вне Спарты. В «Истории» Геродота, нашем основном и практически единственном источнике по данной теме¹¹, мы постоянно находим отражение двух диаметрально противоположных взглядов на личность Клеомена.

Можно с уверенностью утверждать, что Клеомен был первым спартанским царем, о котором сохранилась столь богатая традиция¹². По всей видимости, Геродот получил полную и разностороннюю информацию о Клеомене главным образом благодаря тому, что воспоминания об этом выдающемся царе долгое время были еще живы в спартанском обществе. Картина царствования Клеомена у Геродота базируется в основном на устной спартанской традиции¹³. Важно отметить, что Геродот благодаря своим ксеническим связям с кем-то из видных спартиатов, скорее всего, Архием, сыном Самия, имел возможность посещать Спарту и получать нужную ему информацию из первых рук (Herod. III. 55).

Что же заставило спартанцев, которых часто обвиняли в «короткой исторической памяти», и через полвека не только помнить Клеомена, но и по-прежнему расходиться в оценке его деятельности?

Попробуем еще раз внимательно вчитаться в древнее предание, разбив его на отдельные наиболее важные для понимания Клеомена и его эпохи сюжеты. В данной статье мы рассмотрим кардинальную проблему всего царствования Клеомена – невозможность проводить собственную внешнюю политику из-за постоянной оппозиции со стороны его коллеги Демарата. При существующей в Спарте двойной царской власти, так называемой диархии, два сильных царя, правящих одновременно, неизбежно становились соперниками. Пример Клеомена и Демарата в этом отношении по-своему хрестоматиен. Демарат помешал Клеомену довести до конца несколько военных предприятий, обещавших быть удачными. Клеомен в свою очередь сумел лишить его трона.

¹¹ Свидетельства о Клеомене у таких поздних писателей-антикваров, как Павсаний, Элиан, Полиен, Плутарх, как правило, очень кратки и в них не содержится каких-либо новых неизвестных Геродоту данных. Исключение, пожалуй, представляет только довольно обширная подборка изречений Клеомена у Плутарха (Mor. 223a–224b). Материалы, приводимые Плутархом, служат необходимым дополнением для создания психологического портрета спартанского царя.

¹² Хотя, согласно подсчетам древних хронографов, в частности Евсевия (*Euseb. I.* 223–226), первые цари в Спарте правили уже в начале X в. до н.э., однако до середины VI в. мы за редким исключением не имеем о них никаких сведений, кроме имен и иногда – продолжительности их правления. По сути дела, даже о царях, непосредственных предшественниках Клеомена и его соправителя Демарата, мы знаем очень мало. Геродот упоминает их главным образом в связи с родословными указанных выше царей (V. 39–41; VI. 61–63). Сведения о спартанских царях со ссылками на источники см. в следующих просопографических словарях: *Poralla P.* Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Grossen. Breslau, 1913; *Bradford A.S.* A Prosopography of Lacedaemonians from the Death of Alexander the Great, 323 B.C. to the Sack of Sparta by Alaric, A.D. 396. München, 1977. О хронологии спартанских царских домов см. также *Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd II. Halle, 1899. S. 502–511; *Cartledge P.* The Spartan King-Lists // *Idem.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B.C. L., 1979. App. 3. P. 341–346.

¹³ *Tigerstedt E.N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 88.

Рассмотрим последовательно цепь событий, которые в конце концов привели одного царя к изгнанию, а другого – к смертной казни.

* * *

Первый сохраненный в предании случай открытой вражды Клеомена и Демарата имел место в 506 г. до н.э. в ходе очередной военной кампании, направленной против Афин. Напомним вкратце предысторию этого похода.

В послужном списке военных и дипломатических достижений Клеомена главное место занимает изгнание им из Афин Писистратидов в 510 г. до н.э. (Herod. V. 64–65; Arist. Ath. pol. 19). Эта акция находилась в русле широко рекламируемой Спартой борьбы с тираническими режимами в Греции, начатой ею еще в середине VI в. до н.э.¹⁴ Однако случай с Афинами имел свою специфику.

Так, судя по рассказам Геродота (V. 63–65) и Аристотеля (Ath. pol. 19. 4–5), чьи версии даже в деталях очень близки между собой, спартанцы не питали никакой ненависти к афинским тиранам. Наоборот, согласно преданию, «спартанцы находились с Писистратидами в самой тесной дружбе» (Herod. V. 63. 2; 90. 1; 91. 2) и были связаны с ними узами гостеприимства (Arist. Ath. pol. 19. 4). Перемену этого отношения Геродот связывает с влиянием Дельф. По его словам, «Алкмеониды во время пребывания в Дельфах подкупили Пифию деньгами¹⁵, чтобы она всякий раз, как спартанцы вопрошали оракул, по частному ли делу или от имени государства, возвещала им освободить Афины» (Herod. V. 63. 1). Если все источники единодушны в том, что именно Алкмеониды были более всего заинтересованы в ликвидации афинской тирании, то в отношении спартанских властей таких сведений нет.

Как нам кажется, отнюдь не только глубокая религиозность, требующая от спартанцев безусловного подчинения воле Аполлона, заставила их изменить свое первоначальное отношение к Писистратидам и решиться на их насильственное смещение. Кроме почтения к Аполлону здесь действовали какие-то реальные интересы и мотивы. Спарта, конечно, вполне могла использовать и Дельфы, и Алкмеонидов в своих собственных целях¹⁶. Но с другой стороны, это

¹⁴ Мы не можем согласиться с попытками некоторых исследователей поставить под сомнение достоверность ранней и вполне надежной традиции об антитиранической политике позднеархаической Спарты (см., например, *Макаров И.А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII–VI в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 4. С. 129–131). Анализ всей совокупности древних свидетельств о борьбе Спарты с тираническими режимами в Греции со ссылками на литературу см. *Печатнова Л.Г.* История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001. С. 166–184.

¹⁵ Не вполне обоснованным нам представляется скепсис некоторых исследователей, призывающих не «принимать буквально версию Геродота о прямом подкупе оракула Клизифеном» (*Макаров.* Тирания и Дельфы... С. 122; *Суриков.* Из истории греческой аристократии... С. 148). Так, по мнению И.Е. Сурикова, «всех богатств Алкмеонидов, безусловно, попросту не хватило бы на то, чтобы подкупить жречество богатейшего в Греции святилища». Но ведь речь идет вовсе не о подкупе всего святилища en masse. У Алкмеонидов, конечно, были свои агенты влияния в Дельфах, через которых они и действовали, используя в том числе и денежные подношения.

¹⁶ В науке не раз высказывалось мнение, что в ликвидации афинской тирании была более всего заинтересована сама Спарта. Ссылку на литературу см. *Суриков.* Из истории греческой аристократии... С. 147. Прим. 64.

был тот редкий случай, когда цели Алкмеонидов¹⁷, Дельф¹⁸ и спартанских властей совпали. Что касается спартанцев, то они, скорее всего, стремились остановить рост афинской державы, начавшийся при Писистратидах. Мы согласны с мнением И.Е. Сурикова, что «освобождение Афин, помимо прочего, могло способствовать вовлечению этого крупного полиса в спартанскую сферу влияния, вплоть до включения его в Пелопоннесский союз»¹⁹. Личная дружба при этом, конечно, отступила на задний план, тем более, что ксенические связи с Писистратидами были установлены до того, как те стали тиранами.

Гражданский коллектив Спарты, по-видимому, был единоклубен в своем желании уничтожить тиранию Писистратидов, хотя побуждения рядовых граждан и политической элиты вряд ли полностью совпадали. Для рядовых граждан решающим аргументом было многократно повторенное изречение Дельфийского оракула, призывающего их помочь Афинам избавиться от тирании. Правящая элита руководствовалась, скорее всего, более практическими соображениями: во-первых, большую настороженность вызывал союз, заключенный Писистратидами со старинным врагом Спарты – Аргосом (Arist. Ath. pol. 19. 4), во-вторых, Спарта, оказывая военную помощь Алкмеонидам, вполне могла рассчитывать на получение в будущем значительных политических дивидендов. Хотя принципиальное решение о вооруженном вторжении в Афины было, по-видимому, принято без каких-либо серьезных возражений со стороны членов герузии и эфората, масштабы будущего предприятия, вероятно, стали предметом дискуссии. В результате было принято решение послать морем сравнительно небольшой отряд без привлечения в него союзных контингентов. Возможно, эта первая экспедиция готовилась в тайне от союзников: необычным кажется как выбор пути (по морю, а не по суше), так и выбор главнокомандующего, которым стал Анхимолий, хотя и влиятельный человек, но не царь (Herod. V. 63. 1). После того как отряд Анхимолия был разбит союзной Гиппией фессалийской конницей, а сам он погиб, была организована вторая, уже более многочисленная экспедиция, возглавляемая Клеоменом. Благодаря удачному для Клеомена стечению обстоятельств (в плен попали сыновья тирана, и Гиппий согласился сдаться и покинуть Аттику), царь сравнительно легко достиг своей цели – избавил Афины от тирании (Herod. V. 64–65).

Однако после изгнания Гиппии события в Афинах стали развиваться не по спартанскому сценарию. После того как неожиданно для спартанцев вместо ожидаемого олигархического правления во главе с Исагором силу стал набирать Алкмеонид Клисфен, заключивший союз с демосом (Herod. V. 66; Arist. Ath. pol. 20. 1), спартанские власти, видимо, решили, что для них настало время вмешаться в политическую борьбу между двумя аристократическими кланами и

¹⁷ О роли Алкмеонидов в свержении тирании см. *Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 120–133.* К сожалению, мы вынуждены отвергнуть оригинальную, но ничем не подтвержденную гипотезу И.А. Макарова о том, что «рассказ об Алкмеонидах и Пифии был сфабрикован Клеоменом... а затем был подхвачен самими Алкмеонидами из пропагандистских соображений» (*Макаров. Тирания и Дельфы... С. 130*). Конечно, это было бы вполне в духе Клеомена, легко идущего на фальсификацию оракулов, но ранее и авторитетное предание безоговорочно связывает данный случай подкупа Пифии с Алкмеонидами, а не со спартанским царем.

¹⁸ И.Е. Суриков обращает внимание на то, что Дельфы в данном случае действовали отнюдь не как послушные исполнители воли Алкмеонидов или спартанцев. У них были собственные счета к Писистратидам (*Суриков. Античная Греция... С. 250*).

¹⁹ *Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 147 сл.*

помочь Исагору взять верх над Клисфеном. По приглашению Исагора, гостеприимца Клеомена, в Афины был направлен небольшой отряд во главе со спартанским царем (Herod. V. 70. 1; Arist. Ath. pol. 20. 2). Клисфен бежал, а Клеомен, придя в Афины, изгнал из города «под видом очищения от скверны» 700 семейств, на которые указал Исагор. Однако попытка Клеомена осуществить полномасштабный государственный переворот, распустив Совет Четырехсот и отдав власть в руки Исагору и тремстам его приверженцам, встретила сильнейшее сопротивление афинского демоса (Herod. V. 72; Ath. pol. 20. 3). В столь сложной обстановке, не желая подвергать свое небольшое войско опасности, Клеомен предпочел уйти из Афин, бросив сторонников Исагора на произвол судьбы (Herod. V. 70, 72–73). В результате у власти оказались изгнанные Клеоменом сторонники демократических преобразований во главе с Клисфеном (Herod. V. 66–73; Arist. Ath. pol. 20–22). Афины были спасены от установления крайней формы олигархии, а Клеомен лишился возможности управлять этим полисом как своей вотчиной. Через столетие в ходе строительства спартанской империи Лисандр повторит опыт Клеомена: он успешно будет внедрять в союзные города корпоративные тирании (декархии), охраняемые и управляемые спартанскими военными комендантами (гармостами) и их гарнизонами²⁰.

После неудачи Клеомена в Афинах спартанские власти наконец решили предпринять более серьезные усилия, чтобы впредь избавить себя от опаснейшего с их точки зрения афинского варианта демократии. В 506 г. до н.э. была подготовлена внушительная экспедиция, куда кроме лакедемонян вошли также союзные контингенты, а во главе были поставлены оба царя (Herod. V. 74)²¹.

²⁰ О структурных особенностях державы Лисандра см. Печатнова. История Спарты... С. 369–412.

²¹ В нашей традиции – это первое совместное предприятие Клеомена и Демарата. Правда существует версия, у которой немало сторонников (например: *Lenschau*. König Kleomenes I... S. 412–429), в том числе и в нашей стране (*Строгоцкий В.М.* О датировке битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117; *Курилов М.Э.* Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005. С. 52; *Суриков*. Античная Греция... С. 242 сл.), согласно которой походом на Аргос руководили оба царя, а сам поход имел место в 520 г. до н.э. Основанием для такого вывода является утверждение Павсания, чьим источником в данном случае была местная аргосская хроника, что спартано-аргосская война и битва при Сепии состоялась сразу же после вступления Клеомена на престол, т.е. около 520–519 гг. до н.э. (*Paus.* III. 4. 1). Эта дата отчасти находит свое подтверждение в сообщениях Плутарха (*Mor.* 245 b-e) и Полиена (VIII. 33), что в походе наряду с Клеоменом участвовал также и второй царь Демарат, чего было бы странно ожидать после 506 г. до н.э., когда из-за ссоры как раз этих царей был принят закон, запрещающий обоим архонтам вместе выступать в поход (*Herod.* V. 75). Защитники ранней датировки, как правило, с доверием относятся к рассказу Павсания о защите Аргоса женщинами и рабами во главе с поэтессой Телесиллой (*Paus.* II. 20. 8–10), а в той части оракула, данного аргосцам, где говорится, что «в битве жена одолеет когда-либо мужа» (*Herod.* VI. 77), усматривают намек на подвиг Телесиллы (см., например, аргументацию И.Е. Сурикова – Античная Греция... С. 245 сл.). Но подобное истолкование оракула вынуждает предполагать, что он был дан *post eventum* и сфабрикован в Дельфах «задним числом». Как нам кажется, вполне можно обойтись без этих несколько искусственных построений. Возможно, оракул подразумевал божественных покровителей Аргоса и Спарты, мифического сына Зевса и Ниобы Аргоса и Лаконскую Афродиту (соответственно названных в оракуле мужем и женой). Кроме того, рассказ Павсания об осаде спартанцами Аргоса противоречит более раннему и уже потому более надежному свидетельству Геродота о том, что никакой осады вообще не было. Ведь Клеомена привлекли к суду именно за то, что он даже не попытался захватить Аргос, полностью лишенный в тот

Геродот утверждает, что решение о насильственном восстановлении аристократического правления Исагора было принято Клеоменом самостоятельно. Во-первых, царь хотел восстановить свое реноме успешного полководца и дипломата, несколько подмоченное после его поспешного бегства из Афин, во-вторых, он, вероятно, испытывал сильное желание сделать афинского аристократа и своего друга Исагора правителем Афин и eo ipso своим вассалом. Судя по действиям Клеомена сначала в Афинах, а затем в Дельфах, он использовал личные контакты с представителями многих знатных греческих семей для того, чтобы проводить свою собственную политику, не особенно считаясь с мнением спартанских властей. Дж. Хаксли, оценивая многообразие и разносторонность связей Клеомена с зарубежными партнерами, даже сравнивает его с Алкивиадом²².

На этот раз личная инициатива Клеомена была поддержана на самом высоком уровне, и в Афины был отправлен не просто отряд во главе с царем, а армия Пелопоннесского союза, возглавляемая обоими спартанскими царями. Однако отсутствие четкого правового законодательства, регулирующего отношения членов Пелопоннесского союза как между собой, так и с государством-

---

момент своих защитников. Что касается самого сюжета – защиты Аргоса женщинами и рабами, то это, скорее всего, обычный пример проявления мифологического сознания, когда реальная военно-политическая катастрофа замещается своим нереальным, но зато успешным дублетом – картиной мира, в котором все наоборот. Пример подобного замещения представлен в рассказе Павсания о взятии в плен лаконскими женщинами мессенского главнокомандующего Аристомена. Характерно, что, как и в случае с Аргосом, у Павсания эта историческая легенда стоит в связи с неудачным для спартанцев сражением в ходе Второй Мессенской войны (*Paus. IV. 17. 1*).

Мы присоединяемся к тем исследователям (а их большинство), которые относят аргосский поход Клеомена и битву при Сепии к 495/4 г. до н.э. на основании двойного оракула, приводимого Геродотом и связывающего хронологически два события – захват персами Милета и разгром аргосцев (*Herod. VI. 18–19; 77*) (*Poralla. Prosopographie der Lakedaimonier... S. 76; Huxley G.L. Early Sparta. L., 1962. P. 84; Cartledge. Sparta and Lakonia... P. 149; Clauss M. Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 32; Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.–N.Y., 1996. P. 334 ff.*). Как нам кажется, сообщения поздних авторов и соображения относительно участия Демарата в войне с Аргосом все же не могут перечеркнуть вполне ясного свидетельства Геродота. В качестве дополнительных аргументов в пользу более поздней датировки укажем на несколько обстоятельств, прежде всего из области хронологии. Дело в том, что в 520 г. до н.э. Демарат, скорее всего, еще не был царем: в хронологических и просопографических справочниках начало правления Демарата помещается, как правило, между 515 и 510 гг. до н.э. (*Poralla. Prosopographie der Lakedaimonier... S. 41; Бикерман. Хронология древнего мира. С. 194*). Кроме того, если учесть, что в 480 г. до н.э. Демарат сопровождал Ксеркса в его походе против Эллады (*Herod. VII. 101–104; 209; 234–235; 239; VIII. 65*) и, согласно Плутарху (*Them. 29*), был еще жив, когда Фемистокл в 464 г. до н.э. прибыл к Великому царю в Сузы, то вряд ли в 520 г. до н.э. он был достаточно взрослым, чтобы участвовать в Аргосском походе. Приведем еще один аргумент в пользу более поздней даты: по возвращении из похода, как свидетельствует Геродот (*VI. 81–82*), суду был подвергнут только Клеомен, а не оба царя, что можно было бы ожидать в случае их совместного руководства аргосской кампанией. История вопроса с достаточной полнотой изложена В.М. Строецким (*О датировке битвы при Сепее. С. 108–117*).

²² *Huxley. Early Sparta. P. 77.*

гегемоном Спартой²³, вело к тому, что спартанские цари как главнокомандующие союза чувствовали себя вправе самовластно распоряжаться военными контингентами союзников. Геродот, явно считающий одного Клеомена главным инициатором похода, сообщает, что царь как руководитель Пелопоннесского союза собрал союзную армию не только без предварительной консультации с союзниками, но даже не удосужился поставить их в известность о цели экспедиции (Herod. V. 74).

Поход на Афины, инициированный Клеоменом, закончился полным провалом. И причина была вовсе не в военном поражении: до сражения дело просто не дошло. Этот неудавшийся поход, однако, оказался чреват очень важными политическими последствиями, прежде всего для самих спартанских царей. Авторитарный способ обращения Клеомена с союзниками и возникшие уже во время похода разногласия с коллегой по командованию царем Демаратом привели к весьма негативным для всего военного предприятия результатам. Когда союзная армия достигла Элевсина, истинные намерения Клеомена стали известны, и все союзники по примеру коринфян покинули спартанцев. То же самое сделал и его коллега Демарат (Herod. V. 75–76). По словам И.Е. Сурикова, «публичный конфликт между двумя архагетами, да еще в самый момент военной кампании, стал, конечно, скандалом эллинского масштаба»²⁴.

Впоследствии эфоры оправдали действия Клеомена, что, конечно, свидетельствует о том, что по крайней мере часть эфоров и геронтов была на его стороне и одобряла планы царя избавиться от демократии в Афинах любой ценой и с помощью любых методов. Спустя столетие Лисандр, опять же с согласия властей, будет деятельно помогать Тридцати тиранам в Афинах (Xen. Hell. II. 4. 28; Plut. Lys. 15; 21). Оба варианта типологически близки друг другу: речь в обоих случаях шла об установлении диктатуры аристократии над народом.

Что касается отношения Демарата к Клеомену и его планам, то из лаконичного замечания Геродота об отсутствии какой-либо вражды между обоими царями до этого похода (V. 75) следует, что причиной вражды, возможно, стало расхождение царей в вопросе о будущей судьбе Афин. Как нам кажется, особое недовольство у Демарата вызывало намерение Клеомена передать власть в Афинах своему ставленнику Исагору. Но, скорее всего, дело было вовсе не в принципах. Демарату просто надоело «постоянно находиться при Клеомене в качестве пешки, и он воспользовался неудачей своего коллеги, чтобы реализовать шанс самому стать “первым” царем»²⁵. Точно так же в 403 г. до н.э. царь Павсаний помешает Лисандру оказать помощь Тридцати тиранам и поддержит

²³ По мнению У. Карштедта, «не было уз, которые бы связывали членов лиги друг с другом, вовсе не существовало никакого регулирования конституционных отношений...» (Kahrstedt U. Griechisches Staatsrecht. Bd I. Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922. S. 82). Дж. Ларсен, напротив, полагает, что между Спартой и ее союзниками существовало формальное соглашение, принципы которого были выработаны в 505 г. до н.э. на общем собрании союзников, где, по его словам, была принята «конституционная конвенция» (Larsen J.A. Sparta and Ionian Revolt: A Study of Spartan Foreign Policy and the Genesis of the Peloponnesian League // CPh. Vol. 27. 1932. P. 140). Взгляды историков на Пелопоннесскую лигу, как правило, лежат между этими крайними полюсами. Историографические обзоры см. в следующих работах: Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca–London, 1969. P. 13 ff.; Строецкий В.М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества. Межвуз. сб. Вып. 1. Горький, 1975. С. 3–4.

²⁴ Суриков. Античная Греция... С. 257.

²⁵ Clauss. Sparta... S. 30.

афинских демократов только ради того, чтобы избавиться от своего политического врага и соперника Лисандра, этого «некоронованного царя Эллады» (Xen. Hell. II. 4. 29; Diod. XIV. 33. 6; Plut. Lys. 21; Paus. III. 5. 1).

Позорная для реноме Спарты ситуация, спровоцированная Клеоменом, имела своим результатом внутривнутриполитический кризис, который был разрешен принятием закона, впервые серьезно ограничившим военную власть спартанских царей. По свидетельству Геродота, «из-за этой-то распри в Спарте был издан закон (ἐτέθη νόμος, запрещающий обоим царям вместе идти в поход» (V. 75. 2). Не исключено, что инициатором этого закона был сам Клеомен. Именно он более всего был заинтересован в единоличном командовании армией, без царя-соправителя. Это тем более вероятно, что в царствование Клеомена данный закон далеко не всегда соблюдался. Так, Клеомен уже после его принятия совершил поход на Эгину вместе с новым царем Леотихидом, своим сторонником, и никакой закон ему в этом не помешал. Создается впечатление, что во второй половине VI в. до н.э. между эфоратом и царской властью в Спарте существовало известное равновесие сил и авторитетный царь еще сохранял свободу в принятии решений, связанных с его военной деятельностью. Однако если Клеомен мог себе позволить игнорировать принятый по его же инициативе закон, то в дальнейшем это постановление, по-видимому, соблюдалось. Клеомен, таким образом, вольно или невольно способствовал уменьшению реальной власти спартанских царей.

Поскольку вся полнота военной власти принадлежала обоим царям вместе, то спартанцы, приняв подобный закон, на деле, если не формально, ослабили позиции своих царей не только в сугубо военной, но и, возьмем шире, – в общеполитической сфере. Почти непрерывная вражда Клеомена и Демарата, бесспорно, негативно сказывалась на всей их деятельности, а запрет на совместные военные походы должен был еще сильнее отдалить царей друг от друга и углубить пропасть между двумя правящими домами.

Закон 506 г. до н.э.²⁶ можно считать весьма чувствительным ударом, который община нанесла своим царям. Принятие новых законов или поправок к ним было исключительным редким для Спарты явлением²⁷. На это шли лишь в самых крайних обстоятельствах. По-видимому, охвативший Спарту кризис как резуль-

²⁶ Поскольку принятие данного закона Геродот связывает с конкретными обстоятельствами – конфронтацией Клеомена и Демарата, приведшей к провалу экспедиции против Афин 506 г. до н.э. (V. 75. 2), то в научной литературе вновь принятый закон, как правило, датируют тем же 506 годом (*Gilbert G. The Constitutional Antiquities of Sparta and Athens*. L., 1895. P. 46; *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde*. 3. Aufl. Hf II. München, 1926. S. 675 f.; *Huxley. Early Sparta*. P. 81; *Clauss. Sparta...* S. 30 f.). Сомнения, которые иногда высказываются, вызваны недоверием к самому свидетельству Геродота из-за его якобы «анекдотичного характера» (*Jones A.H.M. Sparta*. Oxf., 1967. P. 15).

²⁷ Опора на обычаи и прецеденты, а не на писанные законы прослеживается во всей деятельности спартанского правительства, возглавляемого эфорами. Как известно, первая из Малых ретр, принятых, вероятно, в середине VI в. до н.э., гласила, что писанные законы не нужны (*Plut. Lys.* 13). По-видимому, перед нами принципиальный отказ от какой-либо дальнейшей кодификации права. Спартанская элита не хотела жить по писанным законам, ибо справедливо считала, что любая фиксация права ведет к демократизации общества. Как не раз уже отмечалось в научной литературе, в Спарте никогда не было даже попыток создать писанный свод законов и многие из тех установлений, по которым жило спартанское общество, скорее всего, оставались не записанными (*Oliva P. Sparta and Her Social Problems*. Prague, 1971. P. 75; *MacDowell D.M. Spartan Law*. Edinburgh, 1986. P. 1–8; *Печатнова. История Спарты...* С. 35–39).

тат несогласованных действий ее царей был настолько серьезен, что заставил спартанские власти нарушить вековой обычай, касающийся царских полномочий. После принятия закона 506 г. до н.э. герусия и эфорат получили возможность вторгаться в закрытую для них ранее область военного права, являвшуюся до того бесспорной монополией царей. Было преодолено, таким образом, известное несоответствие между исключительно гражданским характером эфората и тем милитаризованным обществом, внутри которого эта коллегия существовала.

С момента принятия этого закона между царями начинается соперничество за руководство военными кампаниями. Раскол между Агиадами и Эврипонтитами был, таким образом, закреплен и в дальнейшем: почти все правительственные кризисы в Спарте так или иначе были связаны с враждой двух царских родов. Разногласия между царями культивировали и использовали в своих интересах разные политические силы. Как правило, цари являлись лидерами противоположных политических группировок, отстаивающих интересы различных слоев спартанского гражданства²⁸. В целом перманентное состояние соперничества и вражды между двумя царскими родами было в интересах других властных институтов Спарты, особенно эфората.

Последняя попытка Спарты изменить вектор политического развития Афин была связана также с именем Клеомена. Около 504 г. до н.э. в Спарте было принято парадоксальное на первый взгляд решение – вернуть бывшего тирана Гиппия в Афины (Herod. V. 90–93). Как можно понять из сообщения Геродота, инициатором и агитатором за столь необычное решение выступил Клеомен. Именно он, действуя как сакральный лидер, подобрав, а может быть, и сфабриковав подходящие для данного случая оракулы, представил их спартамцам как главный аргумент против опасной для Спарты нарождающейся афинской демократии (V. 90).

Странное для тираноборцев предложение о возвращении Гиппия в Афины, по-видимому, можно объяснить тем, что конкретные интересы Спарты или скорее ее лидеров иногда брали верх над провозглашенными ранее принципами. Мы согласны с И.Е. Суриковым, что «здесь мы имеем дело с личной инициативой Клеомена, которую вряд ли следует отождествлять с позицией спартанского полиса»²⁹. Но, с другой стороны, коль спартанские власти не отвергли эту инициативу и сочли ее вполне достойной обсуждения как с собственными гражданами, так и с союзниками, то, как справедливо замечает М.Э. Курилов, вряд ли можно говорить «о категорическом неприятии Спартой тиранических ре-

²⁸ Существует традиция, следы которой мы находим у Павсания, согласно которой царь Полидор, правящий вместе с Феопомпом во время Первой Мессенской войны, отличался либеральными взглядами и пользовался поддержкой рядовых граждан. Именно за свой демократизм он в конце концов стал жертвой реакции и был убит знатным спаргиатом по имени Полемарх (Paus. III. 3. 2–3). О том, что Полидор действительно рассматривался в Спарте как царь, отстаивающий интересы всей гражданской корпорации вкуче, свидетельствует отношение к нему последующих поколений спартанцев. После победы эгалитарных тенденций в спартанском обществе Полидор становится объектом всеобщего почитания. Его статуя поместили на одно из самых почетных мест в Спарте – рядом с могилой Ореста, а эфоры пользовались печатями с изображением Полидора (Paus. III. 11. 10). Среди исследователей, с доверием относящихся к преданию о либеральных взглядах Полидора, назовем Дж. Хаксли. Он полагает, что «с точки зрения аристократии Полидор был предателем своего класса» и «популярным, не участвовавшим в принятии поправки к Большой Ретре» (Huxley. Early Sparta. P. 50 f.).

²⁹ Суриков. Античная Греция... С. 258. Прим. 96.

жимов», во всяком случае, добавим мы, в данное время и по отношению к данному государству³⁰.

Спартанцы, опасаясь повторения ситуации 506 г. до н.э., когда коринфяне в явочном порядке покинули Клеомена, были вынуждены созвать собрание союзников³¹ и раскрыть им истинные цели похода (Herod. V. 90–93). В этот период многие города Пелопоннеса управлялись аристократией, пострадавшей в свое время от тиранических режимов. Спартанцам приходилось учитывать эти настроения союзников. Предварительные консультации с ними ни к чему не привели: союзники во главе с Коринфом отказались поддержать Спарту, и, что важно отметить, спартанцы подчинились такому решению. Клеомену не удалось заставить спартанские власти пойти на открытую конфронтацию с союзниками и в одиночку предпринять столь парадоксальную для тираноборцев акцию как восстановление тирании в Афинах.

Рассмотренное выше предание о взаимоотношении Афин и Спарты в последнее десятилетие VI в. до н.э., бесспорно, свидетельствует, что все военные и дипломатические мероприятия Спарты в отношении Афин были напрямую связаны с царем Клеоменом. После изгнания Гиппия из Афин Клеомен приложил большие усилия для установления в Афинах благоприятного как для Спарты, так и для него лично политического режима. После неудачи с Исагором его даже не смущала идея восстановить им же уничтоженную тиранию Писистратидов. Но и внутри Спарты и вне ее нашлись силы, разрушившие планы Клеомена.

Начиная с 506 г. до н.э., когда Демарат открыто выступил против Клеомена, вражда между царями, по-видимому, приобрела перманентный характер. Традиция не сохранила каких-либо следов их совместной деятельности после 506 г. Наоборот, при всяком удобном случае Демарат старался нанести своему коллеге как можно более чувствительные удары, целью которых было помешать любым внешнеполитическим инициативам Клеомена и дискредитировать его в глазах соотечественников. Так, незадолго до похода Дария в Грецию Демарат помешал Клеомену успешно завершить уже начатое военное предприятие. Когда Клеомен в 491 г. до н.э. направился к Эгине, чтобы взять в плен руководителей персофильской партии³², Демарату с помощью интриг удалось расстроить его планы (Herod. VI. 50–51; Paus. III. 4. 3).

³⁰ Курилов. Социально-политическое устройство... С. 53.

³¹ Возможно, это было первое собрание членов Пелопоннесской лиги. Начиная с этого времени союзные собрания собирались тогда, когда предстояла большая союзная война, как, например, в 481 г. до н.э. против персов или в 432 г. до н.э. против Афин (Baltrusch E. Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998. S. 98 f.).

³² Как не раз уже отмечалось в научной литературе, Геродот рассматривал проперсидскую политику Эгинны как акт предательства по отношению к Греции. Бесспорное осуждение мидизма как феномена политического сотрудничества греков с Персией заставило «отца истории» изменить свою в целом антиклеоменовскую позицию и единственный раз в своей «Истории» открыто похвалить спартанского царя именно за то, что на Эгине он «действовал на благо всей Эллады» (VI. 61. 1). Что касается афинян, то, по словам Геродота, «они с радостью ухватились за этот предлог [мидизм эгинцев] и отправились в Спарту, чтобы обвинить эгинцев как предателей Эллады (πρόδοτες τῆν Ἑλλάδα)» (Herod. VI. 49). О мидизме и в частности о событиях на Эгине см. Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35, особенно с. 26, 30 и прим. 56, где приведена литература о взаимоотношениях Афин, Спарты и Эгинны в рассматриваемый период. Об Эгине см. также серию работ современного американского исследователя Т. Фигейры: Figueira Th.J. Aegina. N.Y., 1981; *idem*. Aeginetan Membership in the Peloponnesian League // CPh. Vol. 76. 1981. P. 1–24; *idem*. Herodotus on the Early History of Aegina // AJPh. Vol. 106. 1985. P. 49–74; *idem*. Athens and Aegina in the Age of Imperial Colonization. Baltimore, 1991.

Поход на Эгину, по всей видимости, был предпринят по личной инициативе Клеомена. Во всяком случае, Демарат не только в нем не участвовал, но, наоборот, через своих агентов убеждал лидеров проперсидской партии на Эгине оказать сопротивление Клеомену (Herod. VI. 50). На этом основании некоторые исследователи делают далеко идущие выводы, что «в Спарте имелась группировка, которая была готова сотрудничать с персами, и она формировалась вокруг Демарата»³³. Как мы полагаем, можно скорее говорить о существовании дружеских связей у Демарата с некоторыми представителями полисных элит, оказавшимися в лагере персофилов. У Демарата, как у любого спартанского царя, были свои «друзья и ксены» во многих греческих полисах. Так, например, Демарат был связан узами гостеприимства со знатным фиванцем Аттагином, ориентированным на союз с Персией. Позже, уже находясь в изгнании, Демарат помог Аттагину стать φίλος καὶ ξένος царя Ксеркса (Plut. Mor. 864 f.). Такой же тип отношений, скорее всего, был у Демарата и с Криосом, возглавлявшим местных аристократов-персофилов на Эгине³⁴. Иначе трудно объяснить, как спартанский царь, один из лидеров государства, возглавившего антиперсидскую коалицию, мог вступить в переговоры с персидскими коллаборационистами на Эгине. По свидетельству Геродота, «Криос заявил, что Клеомен не уведет ни одного эгинца безнаказанно, так как он-де действует без разрешения спартанских властей, подкупленный афинскими деньгами: иначе он ведь прибыл бы вместе с другим царем». Приведя реплику эгинца, Геродот добавляет, что «говорил все это Криос по приказанию Демарата» – VI. 50, пер. Г.А. Стратановского. Подобный тип отношений между Демаратом и Криосом предполагает, что они, скорее всего, были потомственными ксенами. Криос проявляет неплохую осведомленность в спартанских реалиях и оглашает версию о подкупе Клеомена афинянами, родившуюся, вероятно, в кругу Демарата. Эгина, таким образом, стала полем столкновения амбиций обоих спартанских царей. Верх одержал Демарат, который, будучи гостеприимцем одного из руководителей Эгины, пользовался большим авторитетом среди местной знати, чем Клеомен.

Демарат провел весьма успешную для него кампанию по диффамации Клеомена как внутри, так и вне Спарты. Его действиями руководили, скорее всего, не столько принципы, сколько личная ненависть и зависть к своему более удачливому соправителю (Herod. VI. 61). В результате интриг Демарата Клеомен был срочно отозван в Спарту (Herod. VI. 49–51, 61; Paus. III. 4. 3). Ни Геродот, ни Павсаний не говорят, в чем конкретно обвинял Демарат своего коллегу. Вполне вероятно, однако, что речь шла о подкупе: Демарат мог утверждать, что Клеомен был якобы подкуплен афинянами, которые действительно были чрезвычайно заинтересованы в ослаблении Эгины. Обвинение в получении взятки должностным лицом даже самого высокого ранга было в Спарте нередким явлением³⁵. В отличие от Афин обвинитель не нес никакой юридической ответственности за ложное обвинение. Этим и воспользовался Демарат. Как свидетельствует Геродот, Демарат «оклеветал Клеомена, когда тот переправился на

³³ Clauss. Sparta... S. 33.

³⁴ Анализ источников показывает, что персофильская позиция правящей элиты далеко не всегда соответствовала позиции рядового гражданства. На это в частности указывает Э. Рунг. В своей статье, посвященной феномену мидизма, он приводит целый ряд примеров подобного размежевания аристократии и демоса (Рунг. Феномен мидизма... С. 23–27).

³⁵ О коррупции в Спарте см. в частности: Печатнова. История Спарты... С. 474–493.

Эгину, чтобы наказать там сторонников персов» (VI. 64). Это замечание Геродота могло бы показаться странным, если вспомнить, что «отец истории», как правило, приводит негативный вариант предания о Клеомене. Но в данном случае Клеомен выполнял важную миссию – защищал Грецию от предателей-персофилов. Для Геродота это было настолько самоценно, что он даже решается выступить адвокатом Клеомена.

Демарат, таким образом, положил конец по меньшей мере двум важным внешнеполитическим инициативам Клеомена³⁶. История с провалом похода на Эгину, по-видимому, стала для Клеомена той последней каплей, после которой, по словам Геродота, вражда между царями стала уже «смертельной» (VI. 64). Клеомен не мог простить Демарату той поддержки, которую он оказал Эгине, и решительно пошел на беспрецедентные меры ради избавления от своего врага. Не имея никакого законного способа избавиться от Демарата, Клеомен задумал и осуществил весьма сложную комбинацию, заменив законного царя Демарата его троюродным братом Леотихидом, представителем побочной ветви Эврипонтидов (Herod. VI. 65). Свой выбор Клеомен остановил на Леотихиде не случайно: у того была личная причина ненавидеть Демарата. По свидетельству Геродота, Демарат расстроил брак Леотихида с дочерью Хилона Перкалой (VI. 65).

Заговорщики начали с того, что активно стали распространять слухи о якобы незаконном происхождении Демарата (Herod. VI. 61–64)³⁷. Важная роль в этой истории, по-видимому, с самого начала была отведена Леотихиду. Принадлежать тому же царскому дому, что и Демарат, он, вероятно, смог привести целый ряд правдоподобных аргументов в поддержку своей версии. Он же стал и официальным обвинителем Демарата. О механизме принятия решения, правда, в самой общей форме, рассказывают Геродот и Павсаний (Herod. VI. 65; Paus. III. 4. 4). По словам Геродота, «Леотихид под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот – не сын Аристона и поэтому незаконно царствует над спартамцами» (VI. 65. 3). Свидетелями по делу были вызваны бывшие эфоры, которые много лет тому назад будто бы слышали от самого Аристона, что Демарат не его сын. Версия об эфорах-свидетелях вызывает некоторые сомнения. Вряд ли к моменту судебного разбирательства кто-либо из бывших эфоров был еще жив и дееспособен.

³⁶ Как только Клеомену удалось избавиться от Демарата, он немедленно возобновил свои действия против Эгины. Взяв в плен десять самых влиятельных и знатных эгинетов, он передал их в качестве заложников афинянам, их самым злейшим врагам (Herod. VI. 73). Лишенная своих проперсидски настроенных лидеров, Эгина перестала быть серьезной угрозой безопасности как Афин, так и Пелопоннеса.

³⁷ Как передает Геродот, в Спарте ходили различные слухи о возможном отце Демарата: среди претендентов на отцовство называли и царя Аристона, и первого мужа царицы, и героя Астробака, и даже погонщика ослов. Что касается последнего, оскорбительного для Демарата варианта, то в отличие от первых трех, изложенных с подробностями, этот дан в самом конспективном виде. Мы полагаем, что версия о погонщике ослов не является выдумкой Геродота. Подобная сплетня, конечно, имела спартанские корни. Геродот, желая сообщить все циркулировавшие в Спарте слухи о рождении Демарата, последний, явно абсурдный и крайне неприятный для царя вариант, приводит только в виде намека в разговоре между Демаратом и его матерью (Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. С. 99 сл.).

собен³⁸. Нельзя исключить и такой вариант, что Клеомен и Леотихид могли представить ложных свидетелей, хорошо зная, что едва ли кто-либо помнит состав коллегии сорокалетней давности. Конечно, это весьма умозрительное предположение. Ведь мы не можем быть полностью уверены в том, велись ли в период архаики какие-либо списки эфоров, а если велись, то всей коллегии или только эфоров-эпонимов³⁹.

В наших источниках нет указания на то, в какой судебный орган обратился Леотихид со своим заявлением. Скорее всего, это была герусия⁴⁰. Ведь насколько мы знаем, герусия в Спарте была высшим уголовным судом, где решались дела, влекущие за собой самые суровые наказания в виде смертной казни или изгнания (Xen. Lac. pol. 10. 2; Plut. Lys. 26). Только герусия, куда ex officio входили также эфоры, могла судить и спартанских царей (Paus. III. 5. 2). Во всяком случае, у нас нет каких-либо весомых доказательств, что суд над царями мог осуществляться в народном собрании. Аргументы, которые иногда приводят в пользу такого решения, не кажутся убедительными⁴¹.

Но, несмотря на показания под клятвой претендента на трон Леотихида и старания царя Клеомена, спартанские власти не решились вынести самостоятельный вердикт⁴² и направили дело в «высшую» инстанцию – в Дельфы к оракулу

³⁸ Если учесть, что при вступлении на престол (между 515 и 510 гг. до н.э.) Демарат был уже взрослым человеком (коль скоро у него не было опекуна), то он, вероятно, родился не позже 535 г. до н.э. Следовательно, эфоры, о которых идет речь, занимали эту должность ок. 535 г. до н.э., т.е. приблизительно за 45 лет до судебного разбирательства. Хотя формально эфором мог стать любой спартиат начиная с 30-летнего возраста, вряд ли было в обычае этого геронтократического государства, чтобы граждане его заявляли о своем желании баллотироваться на эту должность ранее 40-летнего возраста. Следовательно, самому младшему из коллегии эфоров, избранных в 30-е годы VI в. до н.э., в это время было не менее 85 лет.

³⁹ Хотя спартанские власти сознательно избегали любого записанного слова, тем не менее самые важные государственные документы, по-видимому, хранились в письменной форме. Судя по тому, что Геродот в своей «Истории» привел список спартанских царей (VII. 204; VIII. 131) и даже утверждал, что знает поименно всех спартанцев, погибших при Фермопилах (VII. 224), он, вероятно, пользовался документальными материалами, возможно, знакомясь с ними непосредственно в официальном архиве. Плутарх говорит о каких-то «лаконских записях» (ταῖς Λακωνικάς ἀναγραφαῖς), которые были в его распоряжении (Ages. 19. 10).

⁴⁰ Так думает, например, П. Картлидж (*Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London–Baltimore, 1987. P. 111*).

⁴¹ Так, Д. Макдоуэлл полагает, что по крайней мере в двух случаях, когда речь шла о царской власти, судебное разбирательство проходило в апелле (*MacDowell. Spartan Law. P. 134 f.*). Именно так, по его мнению, можно понять слова Геродота и Ксенофонта: «Спартиаты решили (ἐδίξε Σπάρτητησι) воспросить оракул в Дельфах» (*Herod. VI. 66. 1*) – в случае с Демаратом, и «город выбрал (ἢ πόλις εἰλοντο) царем Агесилая» – в случае с Агесилаем (*Xen. Hell. III. 3. 4*). Однако за этими общими формулировками вовсе не обязательно скрывается спартанская апелла.

⁴² В современной литературе не раз высказывалось мнение, что в случае с Демаратом была применена следующая известная по описанию Плутарха процедура отстранения от власти царя: с периодичностью в девять лет (δι' ἑτῶν ἐννέα) цари подвергались особому рода религиозным испытаниям. Суть их состояла в том, что в каждый девятый год эфоры наблюдали за небом и если они видели падающую звезду на определенном участке неба, то это считалось знаком того, что царь в чем-то провинился по отношению к богам. Власть такого царя тот час же отменялась на весь период, пока запрашивалось по этому поводу мнение дельфийского оракула (*Plut. Agis. 11*). Хотя, как правило, это религиозное испытание являлось чистой формальностью, однако само наличие подобного законного способа отстранения царей от власти давало в руки

Аполлона. Такая практика – обращение к дельфийскому оракулу как последней и самой авторитетной инстанции – для Спарты была обычной (Plut. Agis 11)⁴³. Геродот, хорошо знакомый с деятельностью дельфийских жрецов⁴⁴, сообщает скандальную историю, связанную с получением необходимого Клеомену оракула: «Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение Пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофанта, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периаллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Так-то Пифия на вопрос послов изрекла решение: Демарат – не сын Аристонa. Впоследствии, однако, обман открылся: Кобон попатился изгнанием из Дельф, а прорицательница была лишена своего сана» (Herod. VI. 66). В достоверности этого сообщения Геродота вряд ли можно сомневаться: хорошо зная многие скандальные истории, связанные с Дельфами, Геродот в данном случае счел нужным сообщить даже имена тех, через кого действовал Клеомен. Павсаний в связи с этой историей утверждал, что спартанец Клеомен был единственным, кто осмелился подкупить Пифию (Ш. 4. 6)⁴⁵.

Геродот не говорит прямо, с помощью каких аргументов Клеомену удалось привлечь на свою сторону Кобона, которого историк характеризует как «весьма влиятельного человека в Дельфах» (VI. 66). Возможно, конечно, здесь имел место подкуп⁴⁶. Но важнее денег, скорее всего, были традиционно тесные связи

их оппонентам удобное средство для избавления от неугодного царя. Вполне возможно, что политические враги того или иного царя специально приурочивали выдвижение своих претензий ко времени вышеназванного религиозного испытания.

Клеомен, как полагают некоторые историки, убедил эфоров воспользоваться именно этим средством для законного лишения Демарата царской власти, тем более что 491 г. до н.э., по их подсчетам, был последним годом очередного восьмилетнего цикла (Parke H.W. *The Deposing of Spartan Kings* // CQ. 1945. Vol. 39. P. 108 f.; Huxley. *Early Sparta*. P. 85 f.; *Строгоцкий В.М.* Некоторые особенности внутривнутриполитической борьбы в Спарте в конце VI – начале V в. до н.э. Клеомен и Демарат // ВДИ. 1982. № 3. С. 43. Прим. 18). Однако это предположение, как нам кажется, слишком умозрительно, чтобы на нем настаивать.

⁴³ И древние, и современные историки обращали внимание на то, что спартанцы любили оракулы, вероятно, больше, чем граждане любого другого греческого государства, и придавали им огромное, подчас даже решающее значение в политических спорах (Parke H.W., Wormell D.E. *The Delphic Oracle*. Vol. II. Oxf., 1956. P. 83, 89; Parker R. *Spartan Religion* // *Classical Sparta: Techniques Behind Her Success* / Ed. A. Powell. L., 1989. P. 142–172, особенно P. 161 f.). Ведь даже свою собственную конституцию, согласно традиции, спартанцы приписывали дельфийскому Аполлону (Plut. Lys. 6. 1). Среди всех как общегреческих, так и местных святилищ для Спарты на протяжении многих веков самым главным и почитаемым оставался оракул Аполлона в Дельфах. В глазах спартанцев дельфийский Аполлон прочно ассоциировался с их царями.

⁴⁴ О тесных связях Геродота с Дельфами см. в частности: Лурье. Геродот. С. 13; Fairbank A. *Herodotus and the Oracle at Delphi* // CJ. 1906. Vol. I. № 2. P. 37–49; Compton T. *The Herodotean Mantic Session at Delphi* // RhM. Bd 137. 1994. P. 217–223.

⁴⁵ Дельфийские жрецы не раз, по-видимому, оказывали спартанской элите подобные сомнительные услуги, идя при этом даже на прямой подлог и обман. Так, Геродот рассказывает историю о дарах Креза в Дельфы, которые выдавались за спартанские с помощью перебитой посвяtitельной надписи (I. 51).

⁴⁶ Правда, впрямую Геродот о подкупе не говорит. Он употребляет глагол более общего значения – *ἀναυτῶσκεῖν*, который в данном контексте означает «оказывать воздействие», «влиять». Конечно, Клеомен, скорее всего, «повлиял» на Пифию с помощью денег, но буквально это из текста Геродота не следует. В научной литературе версия о подкупе Пифии является основной. См. в частности: *Строгоцкий*. Некоторые особенности внутривнутриполитической борьбы... С. 42. Прим. 17.

Дельф со Спартою, которые осуществлялись главным образом через спартанских царей и их представителей в Дельфах – пифиев⁴⁷. Кроме того, лично у Клеомена могли быть наследственные ксенические отношения с семьей Кобона⁴⁸. Предание свидетельствует, что дельфийские жрецы всегда выступали на стороне спартанских царей, а в случае разногласий между царями выигрывала та сторона, которая имела личные контакты с наиболее влиятельными представителями дельфийского жречества. Клеомен в отличие от Демарата был талантливым полководцем, прошедшим несколько весьма результативных военных кампаний, в частности в 510 г. до н.э. он изгнал Писистратидов из Афин (Herod. V. 64–65; Arist. Ath. pol. 19), а ок. 494 г. до н.э. предпринял победоносный поход против Аргоса (Herod. VI. 76–82; Paus. II. 20. 8–10). После удачных военных кампаний цари, как правило, отправляли в Дельфы немалые денежные суммы и подарки⁴⁹, и вряд ли Клеомен был здесь исключением. Личные контакты с влиятельными жреческими семьями, с одной стороны, и щедрые подношения – с другой, обеспечили, по-видимому, Клеомену в Дельфах режим наибольшего благоприятствования. О.В. Кулишова, как кажется, вполне закономерно определяет тот тип отношений, который сложился у Клеомена с Дельфами как «в некотором смысле уникальный»⁵⁰.

В Спарте прислушались к оракулу Аполлона, и Демарат, находившийся на троне уже более 20 лет, был лишен царской власти (491 г. до н.э.). Однако он еще какое-то время оставался в Спарте как частное лицо, рассчитывая, по-видимому, продолжить борьбу за трон. Возможно, именно для этой цели он

⁴⁷ Очень рано, еще в период ранней архаики, в пору крепнущих связей с Дельфами, в Спарте появилась новая постоянно действующая коллегия, так называемые пифии. Теперь большая часть контактов царей с Дельфами осуществлялась с помощью этих посредников. Возможно, эта магистратура так же, как и эфорат, возникла по инициативе царя Феопомпа в середине VIII в. до н.э. Видимо, в представлении царей эфоры должны были стать их заместителями в судебном деле (*Plut.* Cleom. 10), а пифии – заместителями в деле сношения с пифийским Аполлоном (*Herod.* VI. 57). Каждый царь выбирал из своего ближайшего окружения двух доверенных лиц, пифиев, которые посылались по царскому поручению в Дельфы (*Herod.* VI. 57; *Xen. Lac. pol.* 15. 5; *Cic. De div.* I. 43, 95; *Suid. s.v. πύθιοι*; *Hesych. s.v. πύθιοι*). Пифии, по-видимому, рассматривались как *alter ego* царей в их сношении с богами. Как свидетельствует Геродот, кроме царей только пифии имели доступ к изречениям оракулов (VI. 57). Пифиями становились, скорее всего, члены правящего дома, т.е. люди, близкие к царю и по своему происхождению, и по образу жизни, и по семейным и дружеским связям. О том, насколько почетной была должность пифиев, свидетельствует тот факт, что они, как и цари, питались на общественный счет (*Herod.* VI. 57).

⁴⁸ Известная самостоятельность Клеомена и стремление проводить внешнюю политику помимо институтов своей родины отчасти объясняются той поддержкой, которую оказывали ему многочисленные друзья и ксены вне Спарты (*Baltrusch. Sparta...* S. 45). Кроме Исагора в Афинах и Кобона в Дельфах у Клеомена, по-видимому, были ксенические отношения с Меандрием, тираном Самоса. Так во всяком случае свидетельствует Плутарх (Mor. 224 a). Умение Клеомена налаживать связи с влиятельными иностранцами, бесспорно, укрепляло его позиции и внутри страны.

⁴⁹ Так, например, царь Агесилай, ведущий войну против персидского царя в Малой Азии, в течение двух лет пожертвовал дельфийскому святилищу огромную сумму – более ста талантов (*Xen. Hell.* IV. 3. 21; *Ages.* 1. 34).

⁵⁰ Кулишова О.В. Спартанский царь Клеомен и Дельфы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 75.

даже решился занять какую-то официальную должность (Herod. VI. 67. 2)⁵¹. Но вскоре под видом поездки в Дельфы Демарат покинул Спарту и отправился в Персию, где стал гостем и военным советником персидского царя (Herod. VI. 70. 2; VII. 3; Xen. Anab. II. 1. 3).

Избавление от Демарата – самая удачная политическая интрига Клеомена. Около века спустя, в 399 г. до н.э., очень похожую комбинацию осуществили Агесилай и Лисандр: с помощью остроумно истолкованного оракула они убедили граждан, что законный наследник престола Леотихид – не сын покойного царя Агиса. В результате царем стал Агесилай (Xen. Hell. III. 3. 1; Plut. Alc. 23. 7–8; Lys. 22. 4–6; Ages. 3. 6; Paus. III. 8. 7–10).

Хотя Клеомен сумел блестяще провести кампанию по устранению Демарата, это оказался его последний успех. Если герусия и эфоры дали себя обмануть в 491 г. до н.э., то очень скоро (самое большое через год) снова всплыла история с отстранением Демарата от власти, и на этот раз Клеомену не удалось выйти сухим из воды. В предании не сохранилось никаких сведений о подоплеке этой истории. Но очень возможно, что сведения, порочащие Клеомена, исходили от Леотихида, которому Клеомен только что помог занять трон Эврипontiдов. Желая избавиться от сильного и опасного конкурента, Леотихид, не отличавшийся особой щепетильностью, вполне мог обнародовать компромат на своего благодетеля. Косвенно эту версию подтверждает безусловно надежное свидетельство Геродота о коррумпированности Леотихида⁵².

В любом случае, когда ок. 491–490 гг. до н.э. стало известно, каким бесчестным способом Клеомен лишил Демарата царской власти, в Спарте разразился скандал, и Клеомен, не дожидаясь очередного судебного разбирательства, бежал из страха перед наказанием сначала в Фессалию, а затем к аркадянам (Herod. VI. 74). Поспешное бегство Клеомена, скорее всего, объясняется тем,

⁵¹ Что это была за должность, можно только гадать. Некоторые исследователи полагают, что Демарат стал членом коллегии эфоров. Из последних работ, где сделана очередная попытка обосновать эту версию, назовем статью М. Мейера «Клеомен, Демарат и спартанский эфорат». Действуя методом исключения и отвергнув как маловероятные все остальные известные нам спартанские магистратуры, М. Мейер приходит к выводу, что Демарат мог занимать только должность эфора. «В этой ситуации эфорат предоставлял бывшему царю единственную возможность сохранить определенное политическое влияние. Хотя речь шла об ограниченной годо-дом должности, Демарат согласился на эти узкие временные рамки – это была хоть какая-то должность. Вероятно, партия Демарата надеялась, что в течение этого года сможет изменить ситуацию и вернуть своему фавориту трон» (Meier M. Kleomenes I. Damaratos und das spartanische Ephorat // GFA. 1999. № 2. S. 102). М. Мейер полагает, что, хотя Демарат использовал этот полисный институт для своих, по большей части, частных целей, он тем не менее заложил фундамент для эмансипации эфората и превращения его в главный коллегиальный орган Спарты (S. 108). Вся статья, к сожалению, построена на ложной посылке, а именно на слишком вольном толковании источника. Автор пытается объяснить *ignotum per ignotius*.

⁵² Так, Геродот с полной уверенностью говорит о том, что в 476 г. до н.э. Леотихид, получив от фессалийских Алевадов большую взятку, прекратил всякие военные действия в Фессалии и вернулся домой. Геродот даже сообщает подробности этой нехорошей истории. По его словам, «Леотихида застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке, полном золота», который только что получил от врагов своей родины. В Спарте Леотихид был привлечен к суду и приговорен к смерти. Однако власти не спешили приводить приговор в исполнение и дали ему возможность бежать в Тегею. Дом Леотихида по приговору суда разрушили (Herod. VI. 72).

что он оказался в изоляции и не верил в благоприятный для себя исход суда. К этому моменту, в Спарте, возможно, образовалась сильная коалиция, состоявшая из сторонников как бывшего царя Демарата, так и нынешнего царя Леотихида. Опытный политик, Клеомен мог уйти в добровольное изгнание только в одном случае: если подавляющее большинство членов герусии и эфората было настроено против него.

Антиспартанская агитация Клеомена в Аркадии, целью которой, скорее всего, был выход аркадских полисов из Пелопоннесской лиги, и, возможно, также поиск союзников среди мессенских илотов сделали опального царя по крайней мере в глазах спартанской элиты государственным преступником. Но не имея никакой возможности силой вернуть его в Спарту, спартанские власти стали действовать в обычной для них манере: с помощью хитрости и обмана Клеомена сначала выманили из Аркадии и даже вернули ему все царские регалии (Herod. VI. 75. 1), а вскоре, как только представился удобный случай, арестовали его и казнили (ок. 487 г. до н.э.)⁵³.

Сама по себе казнь царя была невиданным святотатством⁵⁴. Недаром сразу же после гибели Клеомена в Спарте началась агрессивная пропагандистская

⁵³ Мы присоединяемся к тем исследователям, которые полагают, что в случае с Клеоменом имело место политическое убийство, а не самоубийство, как о том свидетельствует предание (Herod. VI. 75; Plut. Mor. 224 a). Сошлемся, в частности, на мнения Т. Леншау (*Lenschau Th. Kleomenes // RE. Bd XI. 1921. Hbbd. 21. Sp. 701*), Дж. Хаксли (*Huxley. Early Sparta. P. 86; idem. Herodotos on Myth and Politics in Early Sparta // PRJA. 1983. Vol. 83. N 1. P. 12.*), Г. Добеша (*Dobesch G. Kleomenes (3) // Der Kleine Pauly. Bd 3. 1979. Sp. 241–242*), П. Картлиджа (*Cartledge. Sparta and Lakonia... P. 153; idem. The Spartans. An Epic History. L., 2003. P. 89*), И.Е. Сурикова (*Суриков. Античная Греция... С. 266*). Но имеет право на существование и версия о самоубийстве Клеомена, правда, как правило, высказываемая с большой осторожностью (см., например: *Lewis D.M. Sparta and Persia. Leiden, 1977. P. 30. Not. 27*). Из самых последних работ, где предпочтение отдается этой точке зрения, назовем статью израильского ученого Э. Давида, посвященную суициду в Спарте. Признавая сам факт суицида Клеомена, Э. Давид однако признает, что «в списке спартанских самоубийств этот случай совершенно особенный и действительно уникальнейший, ибо у древних авторов ментальный дисбаланс не являлся одним из факторов для объяснения суицида. Наоборот, самоубийство обычно интерпретировалось как вполне обдуманый и сознательный акт» (*David E. Suicide in Spartan Society // Spartan Society / Ed. Th.J. Figueira. Swansea, 2004. P. 30*). Э. Давид обращает внимание также и на то, что случаи суицида в Спарте были крайне редки. По его словам, «список спартанцев, которые предпочли остаться в живых и уйти скорее из Спарты, чем из жизни, когда сталкивались со всякого рода несчастьями и неудачами, далеко превосходит численностью список тех, кто в подобных обстоятельствах прибегнул к суициду» (р. 35).

⁵⁴ Для спартанских граждан их басилевсы всегда оставались священными особами, от магической силы которых зависело благополучие всего государства. Представление о божественном происхождении царской власти было очень сильным сдерживающим фактором против насилия над спартанскими царями. Даже царям, совершившим серьезные государственные преступления, давали, как правило, возможность провести остаток своих дней в изгнании. Обычная картина спартанской действительности – это изгнанник-царь, проводящий многие годы где-нибудь на священной храмовой территории соседних со Спартой государств – Аркадии или Элиды (*Thuc. V. 16. 3; Плистоанакт: Xen. Hell. III. 5. 25; Plut. Lys. 30. 1; Павсаний; Plut. Agis 16. 6; Леонид; Plut. Agis. 18; Клеомброт*). Поднять руку на священную особу царя считалось страшным преступлением, на которое не решались даже чужеземцы (*Plut. Agis. 21*). До самых поздних времен сохраняются отголоски былой неприкосновенности царей: в 241 г. до н.э. тюремная прислуга и наемники не решаются исполнить приговор над Агисом IV, а Плутарх пишет о казни царя как о неслыханном святотатстве (*Plut. Agis 19; 21*).

кампания по диффамации покойного царя. В ход пошли все могущие показаться правдоподобными обвинения: Клеомена объявили сумасшедшим самоубийцей, а безумие его представили или как результат безудержного пьянства, или как месть богов за многочисленные преступления против них (Herod. VI. 75; 84). Как не раз уже отмечалось в научной литературе, отдельные части рассказа Геродота о Клеомене не согласуются между собой, поскольку одна часть, очевидно, происходит из благоприятного для царя источника, а другая – из неблагоприятного. Преобладание негативного варианта предания, по-видимому, объясняется тем, что после гибели Клеомена все представители власти, замешанные в этом деле, были кровно заинтересованы в том, чтобы скрыть как от собственных граждан, так и от всего внешнего мира факт политического убийства и представить Клеомена жертвой собственных пороков. Немалое значение для распространения и закрепления этой версии сыграло и то, что не Клеомен, а его враги имели царственных наследников, которые сохраняли и передавали враждебную Клеомену традицию. Она исходила по большей части от враждебных ему информаторов из обоих царских домов как потомков его сводных братьев Дориея, Леонида и Клеомброта, так и потомков пострадавшего от него царя Демарата. Э. Тигерстедт полагает, что Геродот, возможно, получил часть своей информации непосредственно от Демарата или же его родственников, которые еще долго продолжали управлять Тевфранией в Малой Азии как персидские вассалы (Xen. Hell. III. 1. 6)⁵⁵.

Подводя итоги, можно утверждать следующее. Соперничество между двумя спартанскими царями обуславливалось самим фактом существования в Спарте диархии. Это соперничество становилось особенно разрушительным как для самого института царской власти, так и для его конкретных представителей в случае прихода к власти одновременно двух сильных царей. Самый яркий пример тому – царствование Клеомена и Демарата. Конечным результатом их вражды стал уход с политической арены обоих соперников: Демарат благодаря проискам Клеомена лишился царской власти и ушел в изгнание, а Клеомен вскоре после этих событий был убит. Причем тайное убийство Клеомена было представлено как самоубийство безумца, наказанного богами за невиданное святотатство, проявленное им в истории с отстранением от власти Демарата (Herod. VI. 75; Plut. Mor. 224 a).

Второй раз в истории Спарты царя насильственно лишат жизни через 250 лет после гибели Клеомена (Plut. Agis 19–20: Агис IV в 241 г. до н.э.). Столь длительный мораторий на смертную казнь в отношении царей, помимо соображений религиозного плана, можно объяснить прежде всего опасением вызвать политический кризис в стране. Расправа над Клеоменом была слишком опасным для стабильности всей политической системы эксцессом, чтобы этот опыт повторять. И спартанские цари, и их антагонисты, эфоры, научились разрешать конфликтные ситуации более цивилизованным способом, не прибегая к крайним формам насилия. Постепенно был выработан менее болезненный для общины способ избавления от неугодных царей. Им, даже в случае официально вынесенного смертного приговора, давали возможность уйти в изгнание. Эта форма изгнания, применяемая в Спарте, напоминает остракизм в Афинах⁵⁶. Важно так-

⁵⁵ Tigerstedt. The Legend of Sparta... P. 94.

⁵⁶ На это сходство обратил внимание И.Е. Суриков: «Как известно, эфоры своим решением могли даже отстранить чрезмерно “возвысившегося” царя от власти. Это, между прочим, тоже можно назвать одной из форм “протоостракизма”, хотя, конечно, формой весьма специфической» (Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 17).

же отметить, что все три известные нам случая изгнания спартанских царей в V в. до н.э.⁵⁷ имели место между 476 и 395 гг. до н.э., т.е. примерно в то же время, когда практиковался ostracism в Афинах.

Объективным результатом вражды Клеомена и Демарата было укрепление власти эфората в Спарте. В 506 г. до н.э. был принят закон, запрещающий обоим царям вместе руководить одной и той же военной кампанией. Поводом к его принятию послужил скандальный провал афинской экспедиции 506 г. до н.э., возглавляемой обоими царями. Этот закон стал важным рычагом в руках эфоров: теперь они могли более эффективно вторгаться в военную сферу, все еще остававшуюся монопольной вотчиной царей.

Небезосновательной представляется в этой связи гипотеза, высказанная П. Картлиджем, что взаимный обмен клятвами между царями и эфорами (Хеп. Лас. рол. 15. 7) был, вероятно, впервые введен не в середине VI в. до н.э., как полагают большинство ученых, а позже – непосредственно после гибели Клеомена. По мнению П. Картлиджа, эта клятвенная церемония предполагает, что данная практика была введена как следствие какого-то царского, скорее всего, судебно-наказуемого проступка⁵⁸.

Можно сказать, что с изгнанием Демарата и гибелью Клеомена эфорат в Спарте действительно превратился в высший исполнительный орган страны. Этот «сравнительно молодой и динамично развивающийся политический институт»⁵⁹ впервые, по-видимому, использовал в полной мере свой потенциальный ресурс в борьбе с царской властью. В дальнейшем эфоры не раз успешно применяли опыт, приобретенный ими во время кампании по ликвидации Клеомена. Ближайшей жертвой эфоров при сходных обстоятельствах стал знаменитый спартанский полководец Павсаний, принадлежавший царскому дому Агиадов (Thuc. V. 132–134).

Клеомен и Демарат стоят в начале списка тех политических деятелей Спарты, которые не смогли вписаться в систему и постепенно были из нее «выдавлены». Спартанские цари уже в силу имманентной сущности своей «должности» провоцировали конфликтные ситуации и друг с другом, и с остальными ветвями власти. Это тем более было справедливо для сильных от природы личностей. Как заметил П. Родс, «Спарта была в существенной степени нетолерантна к людям со свирепой потребностью собственного индивидуализма, и трудно представить себе, чтобы герой-индивидуалист легко нашел бы себе место при господстве спартанской идеологии или идеологии любого греческого государства, которое имело институты и коллективизм полиса»⁶⁰.

⁵⁷ Из Спарты были изгнаны следующие цари: Леотихид (*Herod.* VI. 72; *Paus.* III. 7. 9–10), Плистоанакт (*Thuc.* II. 21. 1; V. 16. 3; *Plut.* Per. 22) и Павсаний (*Xen.* Hell. III. 5. 25; *Paus.* III. 5. 6–7; *Plut.* Lys. 30; *Diod.* XIV. 89).

⁵⁸ П. Картлидж полагает, что, поскольку лидирующая роль в этой клятвенной церемонии предназначалась эфорам, сама процедура не могла быть введена ранее середины VI в. до н.э. При этом он отвергает широко распространенный в науке взгляд, что инициатором введения клятвы был эфор Хилон. По его мнению, единственное и при том косвенное свидетельство о возможном авторстве Хилона принадлежит позднему и не очень надежному источнику, Диогену Лаэртскому (*Cartledge.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 107).

⁵⁹ *Cartledge P. Spartan Reflections.* Berkeley–Los Angeles, 2001. P. 26.

⁶⁰ Родс П. Дж. Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 53.

THE CONFRONTATION BETWEEN KLEOMENES AND DAMARATOS
(Concerning the Relations between Power Structures in Sparta)

L. G. Pechatnova

The article is devoted to the analysis of the ancient tradition about the contest of two Spartan kings, Kleomenes and Damaratos. The greatest part of references to Kleomenes and Damaratos is found in Herodotus' *History*, which may be considered as the main source for our theme. The fight for superiority between Kleomenes and Damaratos caused their own personal catastrophe and brought about the weakening of the king's power itself. The law passed in 506 BC limited the kings' commander-in-chief power. Ephors got the ability to interfere in the military sphere, which had been closed to them before. It may be concluded that the ephorate actually became the highest state executive in Kleomenes' epoch. For the first time it could use its potential resource in the fight against kings' power.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНА